

(1) Приобщение к искусству может происходить и в просторном, специально построенном здании, и в четырёх стенах, и под открытым небом. (2) Показывают ли зрителям очередную кинокартину, ведут ли занятия драматического кружка, самодеятельного хора или кружка по изобразительному искусству — во всём этом должен и может подолгу жить огонь творчества. (3) И тот, кто однажды приложит свои собственные усилия к одному из этих дел, со временем будет вознаграждён.

(4) Безусловно, искусство скорее и охотнее раскрывается тому, кто сам отдаёт ему силы, раздумья, время, внимание. (5) Рано или поздно каждый может почувствовать, что он среди знакомых и друзей в неравном положении. (6) Их, например, интересует музыка или живопись, а для него они — книги за семью печатями. (7) Реакция на такое открытие возможна различная.

(8) Когда я стал студентом Института истории, философии и литературы, многое связало меня сразу с новыми товарищами. (9) Мы серьёзно занимались литературой, историей, языками. (10) Многие из нас пробовали писать сами. (11) Словно предчувствуя, каким недолгим будет наше студенчество, спешили успеть как можно больше. (12) Не только слушали лекции на своих курсах, но и ходили на лекции, читавшиеся старшекурсникам. (13) Успевали на семинары молодых прозаиков и критиков. (14) Старались не пропускать театральные премьеры и литературные вечера. (15) Как мы всё успевали, не знаю, но успевали. (16) Меня приняли в свою среду студенты, которые были на курс старше нашего. (17) Интереснейшая то была компания.

(18) Я старался не отставать от неё, и мне это удавалось. (19) За одним исключением. (20) Мои новые товарищи горячо интересовались музыкой. (21) У одного из нас была большая по тем временам редкость: радиола с устройством для переворачивания пластинок — долгоиграющих тогда ещё не было, — которая позволяла прослушать целую симфонию, концерт или оперу без перерывов. (22) И коллекция камерной, оперной и симфонической музыки.

(23) Когда начиналась эта непереносимая часть нашего вечера, товарищи слушала и наслаждались, а я скучал, томился, мучился: музыки я не понимал, и радости она мне не доставляла. (24) Конечно, можно было притвориться, прикинуться, придать лицу подобающее выражение, проговорить вслед за всеми: «Прекрасно!»

(25) Но притворяться, изображать чувства, которых не испытываешь, у нас было не в обычае. (26) Я забивался в угол и страдал, чувствуя себя выключенным из того, что так много значит для моих товарищей.

(27) Хорошо помню, как произошёл перелом. (28) Зимой 1940 года был объявлен авторский вечер тогда ещё молодого Д. Д. Шостаковича — первое исполнение его фортепианного квинтета. (29) Друзья взяли билет и мне. (30) Вручали его торжественно. (31) Я понял: то, что предстоит, — событие!

(32) Не стану утверждать, что я в тот вечер сразу и навсегда излечился от невосприимчивости к музыке. (33) Но поворот — решительный и важный — произошёл. (34) Как я благодарен своим друзьям тех давних лет, что они не махнули рукой, не исключили из слушания музыки — а ведь и исключать не нужно было, при тогдашнем по-юношески ранимом самолюбии хватило бы иронической реплики, чтобы я почувствовал себя среди них, понимающих и знающих, лишним. (35) Этого не случилось.

(36) Прошло много лет. (37) Уже давно серьёзная музыка для меня — необходимость, потребность, счастье. (38) А ведь можно было — навсегда и непоправимо — разминуться с ней. (39) И обездолить себя.

(40) Этого не случилось. (41) Во-первых, я не встал в позу человека, который, не понимая чего-нибудь, говорит вслух или мысленно: «Ну и не надо!» (42) И потому, что не захотел притворяться, делая вид, что понимаю, когда ещё был очень далёк от этого. (43) А больше всего — благодаря моим друзьям. (44) Им мало было наслаждаться самим. (45) Им хотелось и меня приобщить к своему пониманию, к своей радости.

(46) И это им удалось!

(По С. Львову)